

# МАТЕРИАЛЫ К ЗАНЯТИЮ «ТИМУР КИБИРОВ. СТИХИ О РОССИИ. СОЗДАЁМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОЛЛАЖ»

## ТИМУР КИБИРОВ

\* \* \*

Мне в два раза больше, чем Китсу, лет.  
На вопрос ребром не готов ответ.  
Мог остаться перцем и огурцом,  
Просвистать скворцом и прослыть спецом.

И буквально каждый свой каламбур  
Размещать в ЖЖ, ждать комментариев... Чур!  
Чур меня, лукавый! Не так я плох,  
Чтоб такую гибель послал мне Бог!

Впрочем, кто Его знает... Но Мать-Троеручница,  
Уж она-то не даст мне настолько сосучиться  
И заступится за своего паладина.  
Своего осетина.  
Сына.  
Кретина.

\* \* \*

Было ж время — процветала в мире наша сторона!  
В Красном Уголке, бывало, люд толпился дотемна!  
Наших деток в средней школе раздавались голоса.  
Жгла сердца своим глаголом свежей «Правды»  
полоса.  
Нежным светом озарялись стены древнего Кремля.  
Силомером развлекались тенниски и кителя.  
И курортники в пижамах покупали виноград.  
Креп-жоржет носили мамы. Возрождался Сталинград.  
В светлых платьицах с бантами первоклассницы  
смешно на паркетах топотали, шли нахимовцы в кино.  
В плюшевых жакетках тетки.  
В теплых бурках управдом. Сквозь узор листвы  
нечеткий в парке девушка с веслом.  
Юной свежестью сияла  
тетя с гипсовым веслом,  
и, как мы, она не знала,  
что обречена на слом.

\* \* \*

О доблести, о подвигах, о славе  
КПСС на горестной земле,  
о Лигачеве иль об Окуджаве,  
о тополе, лепечущем во мгле.

О тополе в окне моем, о теле,  
тепле твоём, о тополе в окне,  
о том, что мы едва не с колыбели,  
и в гроб сходя, и непонятно мне.

О чем еще? О бурных днях Афгана,  
о Шиллере, о Фильке, о любви,  
о тополе, о шутках Петросяна,  
о люберах, о Спасе на крови.

О тополе, о тополе, о боли,  
о валидоле, о юдоли слез,  
о перебоях с сахаром, о соли  
земной, о полной гибели всерьез.

О чем еще? О Левке Рубинштейне,  
о Нэнси Рейган, о чужих морях,  
о юности, о выпитом портвейне,  
да, о портвейне! О пивных ларьках,

исчезнувших, как исчезает память,  
как все, клубясь, идет в небытие.  
О тополе. О БАМе. О Программе  
КПСС. О тополе в окне.

О тополе, о тополе, о синем  
вечернем тополе в оставленном окне,  
в забытой комнате, в распахнутых гардинах,  
о времени. И непонятно мне.

\* \* \*

Их-то Господь — вон какой!  
Он-то и впрямь настоящий герой!  
Без страха и трепета в смертный бой  
Ведёт за собой правоверных строй!  
И меч полумесяцем над головой,  
И конь его мчит стрелой!  
А наш-то, наш-то — гляди, сынок —  
А наш-то на ослике — цок да цок —  
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!  
Он-то и впрямь дарует покой,  
Дарует-вкушает вечный покой  
Среди свистопляски мирской!  
На страсти-мордасти махнув рукой,  
В позе лотоса он осенён тишиной,  
Осиян пустотой святой.  
А наш-то, наш-то — увы, сынок, —  
А наш-то на ослике — цок да цок —  
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!  
Он-то и впрямь владыка земной!  
Сей мир, сей век, сей мозг головной  
Давно под его пятой.  
Вкруг трона его весёлой гурьбой  
— Эван эвоэ! — пляшет род людской.  
Быть может, и мы с тобой.

Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —  
Но наш-то на ослике — цок да цок —  
Навстречу смерти своей.  
На встречу со страшною смертью своей,  
На встречу со смертью твоей и моей!  
Не плачь, она от Него не уйдёт,  
Никуда не спрятаться ей!

## Эпилог

Короче — чего же ты все-таки хочешь?

Чего ты разыскуешь? О чем ты хлопчешь,  
лопочешь, бормочешь и даже пророчишь  
столь невразумительно, столь горячо?  
в какие зовешь лучезарные дали?....

Ты знаешь, мы жили тогда на Урале,  
тогда нами правил Никита Хрущев.  
Но это не важно...  
Гораздо важнее,  
что были тогда мандарины в продмагах  
ужасною редкостью... В общем, короче —  
вторые каникулы в жизни, а я  
болею четвертые сутки... Той ночью

стояли за окнами тьма и зима,  
и Пермь незнакомая тихо лежала  
в снегах неподъемных. И елка мерцала  
гирляндой, и отражалась в шкафу  
мучительно. И, в полусне забываясь,  
я страшное видел и, просыпаясь,  
от боли и ужаса тихо скулил,  
боясь и надеясь сестру разбудить.

А чем я болел, и куда наша мама  
уехала — я не припомню... Наверно,  
на сессию в Нальчик. А папа в ту ночь  
как раз оказался дежурным по части...

И жар нарастал,  
и ночь не кончалась,  
и тени на кухне все громче и громче  
шушукались, крались, хихикали мерзко!

От них я в аду раскаленном скрывался,  
под ватным покровом горел-задыхался...  
и плавился в невыносимом поту...

Короче — вот тут-то, в последний момент —  
я знаю, он был в самом деле последним! —

вот тут-то и щелкнул английский замок,  
вот тут-то и свет загорелся в прихожей!  
И папа склонился — «Ну как ты, сынок?» —  
и тут же огромный шуршащий кулек  
он вывалил прямо в кровать мне и тут же,  
губами прохладными поцеловав  
мой лоб воспаленный, шепнув — «Только Сашке  
оставь обязательно, слышишь!», исчез...

Короче —  
я весь в мандаринах волшебных лежал,  
вдыхал аромат их морозный, срывал  
я с них кожуру ледяную, глотал  
их сок невозможный, невообразимый...

Сестре я почти ничего не оставил...

Короче —  
вот это, вот это одно —  
что мне в ощущениях было дано!

Вот эту прохладу  
в горячем бреду  
с тех пор я ищу

и никак не найду,  
вот эту надежду  
на то, что Отец  
(как это ни странно)  
придет наконец!

И все, что казалось  
невыносимым  
для наших испуганных душ,  
окажется вдруг так легко излечимым —  
как свинка, ветрянка,  
короче — коклюш!

## ТЕМА РОДИНЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

*М.Ю. Лермонтов* **Родина**

Люблю отчизну я, но странною любовью!  
Не победит ее рассудок мой.  
Ни слава, купленная кровью,  
Ни полный гордого доверия покой,  
Ни темной старины заветные преданья  
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам, —  
Ее степей холодное молчанье,  
Ее лесов безбрежных колыханье,  
Разливы рек ее, подобные морям.  
Проселочным путем люблю скакать в телеге  
И, взором медленным пронзая ночи тень,  
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,  
Дрожащие огни печальных деревень.  
Люблю дымок спаленной жнивы,  
В степи ночующий озоб  
И на холме средь желтой нивы  
Чету белеющих берез.  
С отрадой, многим незнакомой,  
Я вижу полное гумно,  
Избу, покрытую соломой,  
С резными ставнями окно.  
И в праздник, вечером росистым,  
Смотреть до полночи готов  
На пляску с топаньем и свистом  
Под говор пьяных мужичков.  
*Начало 1841*

*А.А. Блок* **Россия**

Опять, как в годы золотые,  
Три стертых треплются шлеи,  
И вязнут спицы росписные  
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,  
Мне избы серые твои,  
Твои мне песни ветровые,-  
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею  
И крест свой бережно несущий...  
Какому хочешь чародею  
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,-  
Не пропадешь, не сгинешь ты,  
И лишь забота затуманит  
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле -  
Одной слезой река шумней  
А ты все та же - лес, да поле,  
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,  
Дорога долгая легка,  
Когда блеснет в дали дорожной  
Мгновенный взор из-под платка,  
Когда звенит тоской острожной  
Глухая песня ямщика!..  
*1908*

\*\*\*

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?  
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!  
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...  
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?  
Что там услышишь из песен твоих?  
Чудь начудила, да Меря намерила  
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,  
Но до Царьградских святынь не дошла...  
Соколов, лебедей в степь распустила ты -  
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое  
В черные ночи и в белые дни  
Дико глядится лицо онемелое,  
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево  
Каждую ночь над становьем твоим...  
Что же маячишь ты, сонное марево?  
Вольным играешься духом моим?  
*28 февраля 1910*

*С.А. Есенин*

Гой ты, Русь, моя родная,  
Хаты — в ризах образа...  
Не видать конца и края —  
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,  
Я смотрю твои поля.  
А у низеньких околиц  
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом  
По церквам твой кроткий Спас.  
И гудит за корогодом  
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке  
На приволь зеленых лех,  
Мне навстречу, как сережки,  
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:  
«Кинь ты Русь, живи в раю!»  
Я скажу: «Не надо рая,  
Дайте родину мою».  
*1914*

Спит ковыль. Равнина дорогая,  
И свинцовой свежести полынь.  
Никакая родина другая  
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь.  
И, пожалуй, всякого спроси —  
Радуюсь, свирепствуя и мучась,  
Хорошо живется на Руси.

Свет луны таинственный и длинный,  
Плачут вербы, шепчут тополя.  
Но никто под окрик журавлиный  
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом  
И моей коснулась жизнь судьбы,  
Все равно остался я поэтом  
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,  
Вижу я, как сильного врага,  
Как чужая юность брызжет новью  
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,  
Я могу прочувственно пропеть:  
Дайте мне на родине любимой,  
Все любя, спокойно умереть!  
*Июль 1925*

Анна Ахматова

**Реквием Вступление**

Это было, когда улыбался  
Только мертвый, спокойствию рад.  
И ненужным привеском болтался  
Возле тюрем своих Ленинград.  
И когда, обезумев от муки,  
Шли уже осужденных полки,  
И короткую песню разлуки  
Паровозные пели гудки.  
Звезды смерти стояли над нами,  
И безвинная корчилась Русь  
Под кровавыми сапогами  
И под шинами черных марушь.  
1935-1940

**Родная земля**

*И в мире нет людей бесслезней,  
Надменнее и проще нас.  
(1922)*

В заветных ладанках не носим на груди,  
О ней стихи навзрыд не сочиняем,  
Наш горький сон она не бередит,  
Не кажется обетованным раем.  
Не делаем ее в душе своей  
Предметом купли и продажи,  
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,  
О ней не вспоминаем даже.  
Да, для нас это грязь на калошах,  
Да, для нас это хруст на зубах.  
И мы мелем, и месим, и крошим  
Тот ни в чем не замешанный прах.  
Но ложимся в нее и становимся ею,  
Оттого и зовем так свободно — своею.  
*Больница в Гавани, 1961*

Иосиф Бродский

В деревне Бог живет не по углам,  
как думают насмешники, а всюду.  
Он освещает кровлю и посуду  
и честно двери делит пополам.  
В деревне он в избытке. В чугуне  
он варит по субботам чечевицу,  
приплясывает сонно на огне,  
подмигивает мне, как очевидцу.  
Он изгороди ставит, выдает  
девицу за лесничего и, в шутку,  
устраивает вечный недолет  
объездчику, стреляющему в утку.  
Возможность же все это наблюдать,  
к осеннему прислушиваясь свисту,  
единственная, в общем, благодать,  
доступная в деревне атеисту.  
1964

Николай Рубцов

**ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ**

Взбегу на холм

и упаду

в траву.

И древностью повеет вдруг из дола.  
И вдруг картины грозного раздора  
Я в этот миг увижу наяву.  
Пустынный свет на звездных берегах  
И вереницы птиц твоих, Россия,  
Затмит на миг  
В крови и жемчугах  
Тупой башмак скуластого Батя!..

Россия, Русь — куда я ни взгляну...  
За все твои страдания и битвы —  
Люблю твою, Россия, старину,  
Твои огни, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,  
И небеса, горящие от зноя,  
И шепот ив у омутной воды,  
Люблю навек, до вечного покоя...  
Россия, Русь! Храни себя, храни!  
Смотри опять в леса твои и доли  
Со всех сторон нагрянули они,  
Иных времен татары и монголы.  
Они несут на флагах чёрный крест,  
Они крестами небо закрестили,  
И не леса мне видятся окрест,  
А лес крестов

в окрестностях

России...

Кресты, кресты...

Я больше не могу!  
Я резко отниму от глаз ладони  
И вдруг увижу: смиренно на лугу  
Траву жуют стреноженные кони.  
Заржут они — и где-то у осин  
Подхватит это медленное ржанье,  
И надо мной —  
бессмертных звёзд Руси,  
Высоких звезд покойное мерцанье...  
1964

Олег Чухонцев

*Что ми шумит, что ми звенит давеча рано пред зорями.  
«Слово о полку Игореве»*

Зычный гудок, ветер в лицо, грохот колес нарастающий.  
Вот и погас красный фонарь — юность, курящий вагон.  
Вот и опять вздох тишины веет над ранью светающей,  
и на пути с черных ветвей сыплется гомон ворон.

Родина! Свет тусклых полей, омут речной да излучина,  
ржавчина крыш, дрожь проводов, рокот быков под мостом, —  
кажется, все, что улеглось, талой водой взбаламучено,  
всплыло со дна и понеслось, чтоб отстояться потом.

Это весна все подняла, все потопила и вздыбила —  
бестолочь дней, мелочь надежд — и показала тщету.  
Что ж я стою, оторопев? Или нет лучшего выбора,  
чем этот край, где от лугов илом несет за версту?

Гром ли гремит? Гроб ли несут? Грай ли висит над просторами  
Что ворожит над головой неугомонный галдеж?  
Что мне шумит, что мне звенит издали рано пред зорями?  
За семь веков не оглядеть! Как же за жизнь разберешь?

Но и в тщете благодарю, жизнь, за надежду угрюмую,  
за неуспех и за пример зла не держать за душой.  
Поезд ли жду или гляжу с насыпи — я уже думаю,  
что и меня кто-нибудь ждет, где-то и я не чужой.  
1970

Денис Новиков

Россия

Плат узорный до бровей

А. Блок

Ты белые руки сложила крестом,  
лицо до бровей под зеленым хрустом,  
ни плата тебе, ни косынки –  
бейсбольная кепка в посылке.  
Износится кепка – пришлют паранджу,  
за так, по-соседски. И что я скажу,  
как сын, устыдившийся срама:  
«Ну вот и приехали, мама».

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,  
мы ровно полмира держали в зубах,  
мы, выше чернил и бумаги,  
писали свое на рейхстаге.  
Свое – это грех, нищета, кабала.  
Но чем ты была и зачем ты была,  
яснее, часть мира шестая,  
вот эти скрижали листая.

Последний рассудок первач помрачал.  
Ругали, таскали тебя по врачам,  
но ты выгрызала торпеду  
и снова пила за Победу.  
Дозволь же и мне опрокинуть до дна,  
теперь не шестая, а просто одна.  
А значит, без громкого тоста,  
без иста, без веста, без оста.

Присядем на камень, пугая ворон.  
Ворон за ворон не считая, урон  
державным своим эпатажем  
ужо нанесем – и завяжем.

Подумаем лучше о наших делах:  
налево – Маммона, направо – Аллах.  
Нас кличут почившими в бозе,  
и девки хохочут в обозе.  
Поедешь налево – умрешь от огня.  
Поедешь направо – утопишь коня.  
Туман расстилается прямо.  
Поехали по небу, мама.

1992

**Борис Рыжий**

**Трамвайный романс**

В стране гуманных контролёров  
я жил — печальный безбилетник.  
И никого не покидая,

стихи Ивана любил.

Любил пустоты коридоров,  
зимой ходил в ботинках летних.

В аду искал приметы рая

и, веря, крестик не носил.

Я ездил на втором и пятом,  
скажи — на первом и последнем,

глядел на траурных красоток,  
выдумывая имена.

Когда меня ругали матом —  
каким-нибудь нахалом вредным,

я был до омерзенья кроток,

и думал — благо, не война.

И стоя над большой рекою

в прожилках дёгтя и мазута,

я видел только небо в звёздах

и, вероятно, умирал.

Со лба стирая пот рукою,

я век укладывал в минуту.

Родной страны вдыхая воздух,

стыдясь, я чувствовал — украл.

1995, июль

Захар Прилепин

...уж лучше ржавую слюной дырывать наст,  
лицом в снегу шептать: "ну, отстрелялся, воин...",  
не звать ушедших на высоту, там, где наш  
кусок земли отобран и присвоен,

и лучше, щурясь, видеть яркий флаг,  
разнежившийся в небесах медово,  
и слышать шаг невидимых фаланг,  
фалангой пальца касаясь спускового,

и лучше нежить и ласкать свою беду,  
свою бедовую, но правую победу,  
питаюсь яростью дурною, и в бреду  
нести в четверг то, что обрыдло в среду, -

вот Отче, вот Отечество, и всё:  
здесь больше нет ни смысла, ни ответа,  
листьё опавшее, степное будыльё,  
тоска запечная от века и до века,

для вас Империя смердит, а мы есть смерды  
Империи, мы прах ее и дым,  
мы соль ее, и каждые два метра  
ее Величества собою освятим,

здесь солоно на вкус, здесь на восходе  
ржавая кровь восходит до небес,  
беспамятство земное хороводит  
нас от "покамест" и до "позарез",

здесь небеса брюхаты, их подшерсток  
осклизл и затхл, не греет, но парит,  
здесь каждый неприкаянный подросток  
на злом косноязычье говорит,

мы здесь примерзли, языками, брюхом, каждой  
своей ресницей, каждым волоском,  
мы безымянны все, но всякий павший  
сидит средь нас за сумрачным столом, -

так значит лучше - лучше, как мы есть,  
как были мы, и так как мы пребудем,  
вот рёбра - сердце сохранить, вот крест,  
вот родины больные перепутья,

и лучше мне безбрежия её,  
чем ваша гнусь, расчёты, сплетни, сметы,  
ухмылки ваши, мерзкое враньё,  
слова никчемные и лживые победы...

2007

## СТИХИ ТИМУРА КИБИРОВА О РОССИИ

Тимур Кибиров

\* \* \*

Только вымолвишь слово «Россия»,  
а тем более «Русь» — и в башку  
тотчас пошлости лезут такие,  
враки, глупости столь прописные,  
и такую наводят тоску  
графа Нулина вздорное чванство,  
Хомякова небритая спесь,  
барство дикое и мессианство —  
тут как тут. Завсегда они здесь.  
И еврейский вопрос, и ответы  
зачастую еврейские тож,  
дурь да придурь возводят наветы,  
оппонируют наглость и ложь!  
То Белинский гвоздит Фейербахом,  
то Опискин Христом костерит!  
Мчится с гиканьем,  
лжётся с размахом,  
постепенно теряется стыд.  
Русь-Россия! От сих коннотаций  
нам с тобою уже не сбежать.  
Не РФ же тебе называться!  
Как же звать? И куда ж тебя звать?

\* \* \*

Ну, была бы ты, что ли, поменьше,  
не такой вот вселенской квашней,  
не такой вот лоханью безбрежной,  
беспредел бы умерила свой —

чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы  
дал я отповедь клеветникам,  
грудью встал, прикрывая стыдобу,  
неприглядный родительский срам!

Но настолько ты, тетка, громадна,  
так ты, баба, раскинулась вширь,  
так просторы твои неоглядны,  
так нагледен родимый пустырь,

так вольготно меж трех океанов  
развалилась ты, матушка-пьянь,  
что жалеть тебя глупо и странно,  
а любить... да люблю я, отстань.  
2000

\*\*\*

Блоку жена.  
Исаковскому мать.  
И Долматовскому мать.  
Мне как прикажешь тебя называть?  
Бабушкой? Нет, ни хрена.

Тещей скорей. Малохольный зятек,  
приноровиться я так и не смог  
к норову, крову, нутру твоему  
и до сих пор не пойму, что к чему.  
Непостижимо уму.

Ошеломлен я ухваткой твоей  
ширью морей разливанных и шей,  
глубью заплывших, залитых очей,  
высью дебелих грудей.

Мелет Емелька, да Стенька дурит,  
Мара да хмара на нарах храпит,  
Чара визжит-верещит.

Чарочка — чок, да дубинушка — хрясь!  
Днесь поминаем, что пили вчерась,  
что учудили надясь.  
Ась, да Авось, да окстись.

Что мне в тебе? Ни аза, ни шиша.  
Только вот дочка твоя хороша,  
не по хорóшу мила.  
В Блока, наверно, пошла.  
2000